

В небе над Москвой

В воскресенье, 24 июня, на Тушинском аэродроме, под Москвой, состоится большой авиационный праздник в честь Дня Воздушного флота СССР. Свое мастерство покажут спортсмены Всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Зрители увидят полеты самолетов, вертолетов, планеров, управляемых по радио моделей.

Участники праздника увидят в небе и пилотов военной авиации. В программу включено, в частности, индивидуальный и групповой полет на реактивных самолетах. Как всегда, заключительная часть праздника будет посвящена прижимам парашютистов.

Много раз уже наблюдали москвичи эти машины в время их репетиционных полетов.

В эти дни в московском небе нередко можно услышать и необычные звуки, подобные взрывам. Вот что рассказал о них корреспондент «Литературной газеты» профессор, доктор технических наук Г. Покровский:

— Все чаще появляются в нашем небе реактивные самолеты, летящие быстрее звука, то есть со скоростью, превышающей 1 200 километров в час. Их можно отличить по звуку необычной си-

лости. Если самолет летит медленнее звука, то идущие от него звуковые волны доходят до поверхности земли постепенно и сильны в виде гула или свиста в течение более или менее длительного времени. Если же самолет летит быстрее звука, то все звуковые волны, вызванные его движением, складываются вместе и образуют одну мощную волну, расходящуюся во все стороны в виде конуса; в вершине которого находится самолет. Эта волна очень сильна и еще более усиливается, если за самолетом возникает полоска тумана. Доходя до поверхности земли, такая волна, называемая баллистической, производит сильный удар. Неподготовленному человеку кажется, что это — звук от самолета, а волна от мощного взрыва или выстрела крупнокалиберной пушки.

Баллистическая волна зазвукового самолета может при определенных условиях даже выбить непрочное или плохо закрепленное стекло. Поэтому существуют правила, запрещающие зазвуковые полеты на малых высотах.

Баллистические волны зазвуковых самолетов представляют собою сильное и ярко выраженное физическое явление, изучение которого даст возможность дальнейшего развития аэродинамики больших скоростей и науки об атмосфере — метеорологии.

ГОРЬКОВСКИЕ ВЕЧЕРА

По всей стране прошли вечера, лекции, беседы, посвященные творчеству А. М. Горького. Многолюдно было в местах, связанных с его жизнью творчеством.

Большой вечер состоялся 16 июня в Центральном доме литераторов в Москве, где собирались писатели, члены литературных объединений, родные Алексея Максимовича, особенно много было молодежи.

Открывая вечер, В. Катаев сказал, что творчество А. М. Горького в течение столетий будет оставаться на вооружении национального народа. Б. Бялик охарактеризовал основные этапы творчества А. М. Горького. Затем с воспоминаниями выступил П. Антоцкий, который рассказал о первом чтении «Егора Бulyчева» в Театре имени Евг. Вахтангова и о постановке этой пьесы.

Многообразное и прекрасное творчество Горького было представлено в большом концерте. Артисты московских театров показали сцены из пьес «На дне» и «Егор Бulyчев и другие», инсценировки «Челкаша» и «Страсти Мордасия», были прочитаны отрывки из романа «Мать» и «Сказок об Италии», исполнены бурдюкские песни, записанные с напевами Алексея Максимовича.

**

Вечера, посвященные творчеству великого русского писателя, состоялись в Горьком, Баку, Киеве, Ташкенте, Куйбышеве и других городах страны.

Телепередачи через Каспийское море

БАКУ. (Наш корр.). Недавно в Красноводске появился первый телевизор. Они смотрели несколько кинофильмов и научную программу, передававшуюся из Баку.

Между Баку и Красноводском по прямой 270 километров, что в три раза превышает радиус действия Бакинского телевизионного центра. Немало усилий приложила группа красноводских инженеров, чтобы преодолеть это препятствие. Была, в частности, изготовлена специальная антенна, которую установили на одной из высот под Красноводском.

Бакинский телекомитет еще не вступил в строй действующих, он ведет пока пробные передачи. Передающая антенна служит приспособленной для этой цели нефтяной вышкой, расположенной в наиболее возвышенной части города. Сейчас сооружается специальная металлическая мачта высотой в 180 метров; почти такое же расстояние отделяет ее основание от уровня моря. С вводом в эксплуатацию этой мачты еще больше увеличится радиус действия телекомитета, улучшится качество передач, принимающихся в Красноводске и других отдаленных пунктах.

— Теперь трудимся над облегчением веса, упрощением машин... — увлеченно повторял он, поглаживая чертежи узлов-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ

СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (3573)

Вторник, 19 июня 1956 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Радости и огорчения Йоханнеса Хирва

Пожилой широкоскульный человек в рабочем костюме идет воскресным утром по улице колхоза «Уус Элу». У него торопливая, семенящая походка, сутулые плечи, зоркий прищур глаз.

Впереди за чертой поселков, на полоске болотной земли, — группа колхосников. Они заготавливают торфяную полоску для животноводческих ферм. Дело спорится, энергичные взмахи черенками наточенных лопат, натертых до блеска рукой вил — и бархатистые ржавые лопаты торфа ложатся рядами для просушки. Картина обыкновенная, тысячи раз виденная. Но приезжий из города почему-то приостановился. Внимательно, с обостренным интересом следит он за сверкающей крикой сущущих в воздухе лопат и вил.

«Почему, собственно, подстилочный торф нарезают с сих пор вручную? — размышляет он. — Мельчь! Ведь потребность в подстилке для животноводческих ферм Эстония огромная, а добыча ее вручную — трудоемкая, канительная! А если, если попробовать соорудить машину... Рама с лисковыми острыми ножами для продольной разрезки торфа. Да, надо хорошенько подумать, рассчитывать...»

И через месяц-другой — разговор. Обычный, будничный деловой разговор, но такой живой и страстный по своей сути. В одном из кабинетов заводоуправления Таллинского ремонтного завода сельхозмашин склонились над чертежными на брасками двое — знакомый нам скулак-человек с острым прищуром глаз и главный инженер завода.

— Что ж, товарищ Хирв, вас можно позвать с удачной поездкой в наш подшефный колхоз! — улыбается инженер. — Идея стоящая! Механизация лоббистской подстилочной материала для ферм — отставший участок. Записываю новую заявку: «Комбайн для нарезки подстилочного торфа».

Рабочий — инструментальщик Йоханнес Хирв, предложивший первые чертежи торфоизделий комбайна, — даровитый практик-изобретатель, каких немало в Советской Эстонии. Помимо, прошлой осенью на республиканской выставке, где демонстрировались сельскохозяйственные машины, много посетителей теснилось возле экспонатов — образцов творчества эстонских механизаторов. Молодой тракторист Лихулаской МТС тов. Осими сконструировал навесной напозогоризуич.

— Нет, не удалось к весне выпустить комбайн из цеха! — невесело сообщил он.

— Много огорчений пришло, знаете ли, пережит с этой всеми ожидаемой машиной! И дело, мне кажется, не в отдельных недостатках, а совсем в другом...

О том, что я услышал от Йоханнеса Хирва, и хочется мне рассказать.

**

Больше двух лет прошло с тех пор, как Хирв положил на стол главного инженера своего первые чертежные наброски. И вначале — ободряющие, сочувственные письма, поддержка. Из Министерства сельского хозяйства ЭССРшли настойчивые запросы: «Когда будут готовы чертежи? Наковы для изготовления опытного образца нужной республике машины?». Из отдела по изобретательству и rationalизации Министерства сельского хозяйства СССР — тоже настойчивые запросы: «Когда будет готова машина?». И вот на конвенте сельхозмашин в Таллине в 1954 году Хирв представил свой проект комбайна для нарезки торфа.

— Но вот наступили ответственный период доводки рабочих чертежей до законченной конструкции. Общеизвестно, что даже в больших конструкторских бюро, где целые коллективы создают новинки машиностроения, первое слово успеха — внимание к нужкам изобретателей во всех стадиях проектирования. Как же отнеслись к усилиям изобретателя-самоучки, трудившегося в нелегкой обстановке в шумном цехе, урываками дома в часы досуга, без справочников? Очень огорчительно: вместо содействия и ободрения, Хирв встретился с непредвидимым преградой из бюрократических проволочек из канинга равнодушия к судьбе изобретения!

— Но вот наступили ответственный период доводки рабочих чертежей до законченной конструкции. Общеизвестно, что даже в больших конструкторских бюро, где целые коллективы создают новинки машиностроения, первое слово успеха — внимание к нужкам изобретателей во всех стадиях проектирования. Как же отнеслись к усилиям изобретателя-самоучки, трудившегося в нелегкой обстановке в шумном цехе, урываками дома в часы досуга, без справочников? Очень огорчительно: вместо содействия и ободрения, Хирв встретился с непредвидимым преградой из бюрократических проволочек из канинга равнодушия к судьбе изобретения!

Одно из предложенных в проекте комбайна устройств — барабан с ножами для поперечной нарезки полос торфа. При ходовом вращении барабана лезвия выступают из прорезей нижней его части, а затем пропадают, чтобы не мешать сбросу крипчика на ленту транспортера. Идея не новая, известная в патентной литературе по чертежам иного назначения машин. Машина, конечно, еще не совершилась, нуждавшаяся в доработке, существовала уже в натуре, когда из отеля по изобретательству союзного министерства пришел с полугодовым запозданием ответ на письмо автора о помощи, о присыпке чертежей. От синеватой, отпечатанной на машинке бумаги веяло холодом: по своим устройствам этот комбайн якобы элементы новизны не содержал; применение барабана с подвижными ножами, нарезающими торф отводящими крипчика на транспортер, — известно в патентной литературе по чертежам Ж. Никонова... Но эти причины заявили в выдаче авторского свидетельства было отказано!

Но ведь механизм работал не только на устройством упомянутого барабана, чертежи которого годами залежались на полках, а на сложным, оригинальным, нужным республике агрегатом! И вот всю зиму и весну осаждал Хирв заинтересованные организации, просьбами помочь ему завершить работы. Напрасно! И вышло, что после двухлетних поисков, творческих издережек комбайн заржал в заводских воротах...

Я побывал в Министерстве сельского хозяйства республики. Там, здесь о комбайне Хирва говорят без особого уважения.

Решено, ввиду острой нужды в механизации добычи подстилочного торфа, провести специальный конкурс изобретателей-практиков. На подоконнике и на полу, возле письменного стола одного из сотрудников министерства, лежали распакованные ящики с моделями и чертежами новых образцов комбайна. Они уже прибывают из МТС, колхозов, сельскохозяйственных школ.

Самое печальное состоит в том, что Хирв не одинок в своей судьбе. Из-за слепой кустарнички, ведомственной неразберихи, отсутствия честного отношения к изобретателю не вышло ничто на полях множества новых машин. Еще в позапрошлом году министерство обгородило работу механизатора Тамметса — особо нужный в условиях Эстонии целинный плуг с ребристыми

Федор ЭИНВАУМ

Член Союза писателей СССР

Член Союза писателей Эстонии

Член Союза писателей Финляндии

Член Союза писателей Латвии

Член Союза писателей Грузии

Член Союза писателей Албании

Член Союза писателей Молдавии

Член Союза писателей Армении

Член Союза писателей Грузии

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДРАМАТИУРГА

Заканчивается театральный сезон. Еще несколько дней, и московские театры разделятся по многочисленным городам нашей страны. Чем же интересен был этот сезон? Какие можно вынести уроки на будущее? Сумели ли наши театры и драматурги преодолеть ту холодасть и равнодушие публики, которых озабоченовались, в сожалении, первые месяцы театрального года?

Сезон начался ялко: драматурги все еще завершали работы, которых уже ждали театры; режиссеры актеры больше выступали в печати со статьями об искусстве больших мыслей и чувств. А на сцене в это время шли старые спектакли или некоторые новые, сильно похожие на старые, в которых не было и намека на большие мысли и чувства.

Правда, к началу сезона в различных списках значилось свыше 100 названий новых пьес. Среди них было несколько интересных произведений. Но можно ли сказать, что у театров был большой, интересный выбор, что они могли сделать свой репертуар многообразным, увлекательным, идеально и художественно значительным? К сожалению, далеко не за каждым названием новой пьесы стояла действительно большая и содержательная жизнь.

Неумение глубоко осмыслять серьезные явления жизни, подняться выше первых, поверхностных впечатлений привело к по-разному однобоко, к драматургическому шаблону. Не случайно же среди новых пьес подавляющее большинство было посвящено узко личным отношениям, «комнатным» проблемам. Да, герои таких пьес скорее походили на интеллигентов старых времен, чем на нового, советского человека. Декларировалось, что в пьесах «Суд матеря» Е. Фелициева, «День рождения» Д. Шеглова, «В честь первого» А. Мозкова, «Золотые листья» В. Собко и некоторых других речь идет о быте наших людей. Но, к сожалению, быт в них часто смешивался с бытовницкой, с националистическим, мелким изображением жизни.

Из 117 пьес, написанных в 1955 и в начале 1956 года, советским рабочим посвящено всего 6, около 15 пьес — жизни современной деревни. Как правило, большинство новых пьес охватывает лишь узкий круг проблем. К тому же решаются эти проблемы стандартно, как рассказ о морально разложившемся человеке, которого все долго и упорно пересыпывают, но чьи ущербности, выписанной ярко и убедительно, противостоят сдержанной жизнью.

Театральная жизнь, подняться выше первых, поверхностных впечатлений привело к по-разному однобоко, к драматургическому шаблону. Не случайно же среди новых пьес подавляющее большинство было посвящено узко личным отношениям, «комнатным» проблемам. Да, герои таких пьес скорее походили на интеллигентов старых времен, чем на нового, советского человека. Декларировалось, что в пьесах «Суд матеря» Е. Фелициева, «День рождения» Д. Шеглова, «В честь первого» А. Мозкова, «Золотые листья» В. Собко и некоторых других речь идет о быте наших людей. Но, к сожалению, быт в них часто смешивался с бытовницкой, с националистическим, мелким изображением жизни.

Скудость репертуара некоторые театры пытались восполнить инсценировками произведений классической и современной прозы, в большинстве случаев сделанными главными режиссерами, актерами, даже директорами театров. Многие из этих инсценировок оказались очень слабыми по своему художественному достоинству.

Кто же сейчас реально работает для театра?

В Московской секции драматургов числится, например, около 150 человек, а, по существу, репертуар московских театров создается двумя-тремя десятками авторов.

Реже стал выступать в драматургии Ю. Симонов. Б. Лавренов после «За тех, кто в море» не дал еще театром произведения на современную тему. Нет новой пьесы у А. Кроне. Очень хорошо, что его пьеса «Второе дыхание» в новом варианте уже идет на сцене, но где же новые произведения?

В 1947 году в драматургию пришел А. Баринов со своей первой интересной пьесой «На той стороне», которая обошла почти все театры страны. Но вот уже 1956 год, а на сцене мы не видим новых пьес Баринова. Нет новых пьес у Л. Рахманова, Б. Чиркова, Л. Славина, А. Глебова и у ряда других драматургов.

Примерно то же явление можно наблюдать и в братских республиках. В Таджикистане вошли в литературу очень мало новых драматургов, но из драматургии ушел налаго С. Улуг-заде — автор одной из лучших таджикских пьес «Краснопольчанская». Жаль, что с многолетними перерывами работают в Узбекистане Йиши и Б. Яшен. А ведь на их произведениях рос и формировался узбекский театр. Почти не

ПОБОРНИКИ КРУТЫХ МЕР

пишут пьесы Г. Мусрепов в Казахстане, С. Шаниашвили в Грузии и другие.

Отсутствие новых пьес профессиональных драматургов снижает уровень театрального репертуара, оказывается на общем состоянии театрального искусства.

Конечно, повинны в этом не только драматурги, но и Союз писателей. По поводу неудач драматургии немедленно собираются совещания, конференции, обсуждения. Но вот большого разговора о хороших пьесах, показали, и не вспомнишь. Министерство культуры и Союз писателей плохо помогают драматургам национальных республик, не организуют переводов лучших пьес. И зачастую хорошие произведения этих драматургов остаются только в пределах своих республик, не обгащают всемирный репертуар.

С другой стороны, некоторые пьесы «местных» авторов, «местные» и по тематике и по своему художественному уровню, из чувства «местного» патриотизма нередко захваиваются. Авторы рецензий в областных газетах снисходительно проходят мимо их недостатков.

Правда, к концу сезона наша театральная жизнь несколько оживилась. На афишах замелькали новые названия: «Крепость на Бугом» С. Смирнова, «Деньги» А. Софонова, «Забытый друг» А. Салынского, «Второе дыхание» А. Кроне, «Вечно живые» В. Розова, «Алатырь» Л. Зорина, «Одна» С. Аleshina, «Вечер на Иртыше» Е. Аниччиной, «Мертвый капитан» В. Соловьева и др.

Однако ни в острой по постановке вопроса пьесе С. Аleshina «Одна», ни в инсценировке романа А. Рыбакова «Екатерина Боронина» — «Однокакая женщина», ни в многих других новых пьесах все же мы не видим большого яркого образа.

Репертуарный план как будто бы выполнен: спектакли, которые были замечены, поставлены, но поставлены и показаны они в конце сезона, когда с ними не может познакомиться широкий зритель. Такая медлительность и драматургов и театров поначалу и спешна попыткой сезона не приносит пользы ни драматургу, ни театру. Это не приносит радости и зрителю, который либо «ловит» спектакль, либо ждет его во сне.

Театрам нужно не абстрактно, а конкретно планировать свой репертуар; драматурги должны помнить, что их пьесу театр ждет в началу сезона, как знают это, например, Островский, дававший свои пьесы в открытии театрального года. Благодаря этому и самый сезон становится гораздо значительнее, ярче, богаче. А когда вдруг только в самом конце сезона застопорили, заговорили с нашей сцены о долге перед семьей, о верности фронтовой пружине, об ответственности перед павшим героями и захотелось во всем этом разобраться, поразмыслить, поговорить с драматургами, режиссерами, актерами... — оказалось, что говорить уже не с кем, кто-то не видел, кто-то уехал и лучше уж «обо всем этом начать разговор осенью».

Заканчивающийся театральный сезон не порадовал нас сеначескими успехами. И это заставляет о многом задуматься — о творческой активности драматургов, об ответственности их перед советским зрителем, о взаимоотношениях писателя и театра и о реальном планировании репертуара.

**

Мы стоим накануне сорокалетия Великой Октябрьской революции. С новыми пьесами «На той стороне», которая обошла почти все театры страны. Но вот уже 1956 год, а на сцене мы не видим новых пьес Баринова. Нет новых пьес у Л. Рахманова, Б. Чиркова, Л. Славина, А. Глебова и у ряда других драматургов.

Примерно то же явление можно наблюдать и в братских республиках. В Таджикистане вошли в литературу очень мало новых драматургов, но из драматургии ушел налаго С. Улуг-заде — автор одной из лучших таджикских пьес «Краснопольчанская». Жаль, что с многолетними перерывами работают в Узбекистане Йиши и Б. Яшен. А ведь на их произведениях рос и формировался узбекский театр. Почти не

В. ПИМЕНОВ

В НЕТОРОПЛИВОМ рабочем поезде, про-
шахмаком и хлебом, и спро-
сила спутницу о колхозных делах.

Женщина, скруто и сдержанно говорившая о детях, которых у нее четверо, вдруг выжидала замечала. Ее веснушчатое, красное от весенних ветров лицо было болезненно сморщенное, в опущенных светлыми ресницами глазах появилось выражение досады и горечи.

Увидев, что я жду ответа, она глупила воздух и нараспив, как бы причитая, сказала:

— Дела-то сейчас ничего, поправились, да вот от бригады жизни нет. У нас в колхозе такая мозаика завелась: чуть работа нетруднее — бежит с нарядом в тем, за него заступиться некому. На всех кричит, скользят. И слова в ответ сказать нельзя, и не вдумай жаловаться. И все кру-
гом молчат. Считают, если ты обиженный, болезненный и будь, а нас не трогай.

Женщина с досадой махнула рукой и отвернулась к окну. Рыжая прядь волос выплыла из-под платка и вдрагивала при каждом толчке поездла. Было что-то жалкое, беспомощное в ее маленьком некрасивом лице, еще больше покрасневшем от обиды. К разговору она не возвращалась, погрузившись в свои думы.

Вскоре поезд заморгнул. Женщина дос-
тала из-под лавки мешок, взвалила его на плечи и стала пробираться к выходу.

В окно я увидела, как она, тяжко шла-
вая по лужам, торопилась к грузовику, а затем усаживалась возле кабины, повернувшись спиной к ветру. Ныряя по дождям ухабам, машина повезла мое спутни-
нику в колхоз, который она отказалась называть.

— Зачем вам? — сказала она на прощание. — Вы приехали и уехали, а нам здесь жить, работать...

И, может быть, ушел бы из памяти этот разговор и другие впечатления вынесенные ею в конце сезона, когда с ними не может познакомиться широкий зритель. Такая медлительность и драматургов и театров поначалу и спешна попыткой сезона не приносит пользы ни драматургу, ни театру. Это не приносит радости и зрителю, который либо «ловит» спектакль, либо ждет его во сне.

Письмо было написано на тонком листке голубой бумаги с узорными водяными зна-
ками.

«Помогите мне найти правду, не откажите в помощи», — жаловалась колхозница Нина Константиновна Иванова. Недавно правление колхоза «1-е Мая», где председателем Николай Александрович Перцев, незадолженно обидел меня лишив на восьмь месяцев лошади, и запретило выдавать справку для продажи продуктов. Председатель при этом сказал: «Дали бы мне волю, я бы по-другому расправился!»

А почему же не откажите в помощи? — сказала я. А он стал жаловаться, что люди распустились, что каждый норовит поднять голос и что нужно больше строгости... И потакать им нечего, коль не исполнили приказа. Подумашь, дела дома. У каждого есть свои дела...

И говорил он «обо всем этом как-то очень глядко, благообразно».

— Вызыгиваются только члены правления! — строго заметил Котомин и продолжал: — Раз наказали, так и просить нечего. Пусть узнает, как дисциплину нарушать. Был времена, вам постакали, а теперь нам самим власть дана.

Заглушила всех, Котомин снова повторил обвинения против Никитиной и высказалась против «помилования». Он так и сказал «помилование», будто ему была доверена эта высокая санкция. Затем он поднял руку. Вслед за ним потянулись неско-
лько рук. Был заложен наручник. Остальные не голосовали. И против не выступили. Стругое вызыгивание Никитиной оставили в силе, и никто не слушал, что говорила она о том, как неработающие полу-
чают лошадь и пользуются всеми привилегиями колхозников.

Когда мы вернулись в правление, там сидела молодая колхозница, ожидала заместителя председателя колхоза Котомина.

— Ты что, Соколова, пришла? — спро-
сила Золотова женщину.

Она протянула ему бумажку, которую держала в руке. Это было заявление.

«Прошу исключить меня из колхоза», — говорилось в нем, — потому что ко мне относитесь не как к колхознице, а просто издаваешься».

— Вот, Соколова, упрямилась, не хотела идти, когда тебя по части просили, а теперь заявление пишишь. Огурчики пропадают, небось, захотела, — правоучительница.

И мне показалось, что сквозь благообразие его мелькнуло злорадство. Вот сидит перед ним женщина, растревиняя, пробует протестовать, подала заявление.

— Подожди заместителя, — сказал Золотов, возвращая заявление. — Пусть он решает.

При мне в правлении между заместителем председателя колхоза Котомином и Соколовой произошел такой разговор:

— Попахи запросила? — потирая руки худое скучастое лицо, промолвил Котомин. — Как на работу, так нет вас, лошади. — И тоже спросил: — Небось, отгулы думашь продать?

Огурчики в Середском районе занимаются с давних пор. Колхозники выращивают их на присадебных участках и возводят на землю, даже на землю семье, всю со-
знателнюю жизнь, даже в самые трудные годы, отдававших ее своим сыновьям. Что скрылось за этим болезненно-равнодушным молчанием? Беспомощность перед «всемогущей» силой председателя и бригадира, злоупотребляющих доверенной им властью?

Я снова вспомнила ту отголосенную смеющуюся женщину, которая в пути жаловалась на несправедливость бригадира, а колхоз, где это происходит, отказалась на-
зывать.

«Нам здесь жить, работать», — сказала она, оправдывая свое малодушие.

Но ведь как раз потому и нужно противостоять против несправедливости, против нарушения демократических прав колхозников. Нужно внимательно, чутко относиться к людям, не подменять воспитательную работу администрированием, грубым окриком, применением крайних мер взыскания. Это тем более недопустимо, когда речь идет о людях, много лет честно проработавших в артельном хозяйстве.

В Середском районе немало сделано для поднятия экономики колхозов. И тем бо-
лее важно, чтобы в процессе этого встречались такие факты и события, которые произошли в артели «1-е Мая».

Середский район, Ярославская область

В. ШАПОЩИКОВА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

— Да кабы я не работала. Ни от ка-
кого труда не отказывалась. Ведь мы с Ивановой все бугры обмыли в лесах, всегда на самом что ни на есть трухлом деле. А на ферме не могу. Есть другие. Вот Чернышова — жена председателя реви-
зионной комиссии, сидит дома. Почему же у нее и дрова и лошадь в любое время?

А мне самой приходится и за дровами и, старики больные, и малолетки.

— А тебе простор нужен? Конечно, с фермы не уйдешь. Из-за вас, лодырей, скота не погиб, — начал возвышать головой Котомин.

— Злостные нарушители. Разгильдия, болтаешь черт знает где. Так и норовите в город удрать.

— Да ведь где же болтаюсь? Кто бол-
тается, уехали с огурцами. И председатель и бригадир — все поездили. Теперь недели две проездят...

— Ты что тут агитацию развел? Исклю-
чение из колхоза — и все тут. Наве-
дом порядок.

Соколова, склонив голову, быстро пошла прочь, к Котомину все никак не мог успо-
киться.

— На правлении твоё поведение обсу-
дим, — кричал он ей вслед. — Приходи ве-
чером!

Вскоре в правлении начали собираться люди. Мужчины присаживались на полу ближе к двери, чтобы можно было, не выходя из комнаты, курить. Женщины чинно размещались на скамьях, тихо переворачиваясь и вздыхая. Был здесь флегматичный на вид бригадир Голубев, на которого больше всего раздражалась жалоба. Он сидел на корточках у порога и, подсыпывая глаза, л

НАПЕЧАТАННАЯ в журнале «Дружба народов» (№ 1—2, 1956) поэзия татарского писателя Фатыха Хусни «Любовь под звездами» — новество талантливая и своеобразная, однако читатель начинает понимать это не в первых, а чуть ли не в последних главах.

В деревушку Нараташ, в отсталый колхоз, к весеннему севу прислали лучшую тракторную бригаду МТС во главе с известным трактористом Айдаром Зубанировым. Для начала Айдар совершил рискованный «подвиг» — по уже непрочному изувеченному лыду перегоняется через реку тяжелые дизельные тракторы. За гером все ухаживают, в него влюбляются девушки — Тэзкире Султанова, колхозный бригадир, и Халида Зарипова, избач, «башкирия», живущая горожанкой в родной деревне. Скромная Тэзкире увлекает Айдара сложной и смелой задачей: наработавшие бугры, с которых почти весь деревенский сполз в низину, надо вспахать совсем мелко на вершинах и все глубже и глубже книзу. Нужна, как говорят в колхозе, «акуальная работа». Директор МТС, узнав об этой затее, грозит снять Айдара с работы и судить за нарушение агротехники и инструкций; впрочем, он согласен подложить результаты — урожай. Совместная борьба и работаблиают Айдара и Тэзкире. Готовится свадьба. Колхозники любуются молодой парой; Айдара они хотят выбрать председателем колхоза. Но Халида, которая со всеми возможными ловушками и ухищрениями предпринимала настоящую охоту на Айдара, удаётся его соблазнить. Она забеременела. И все изменяется: Тэзкире оскорблена, колхозники с презрением отворачиваются от Айдара, его родители требуют — жениться на Халиде! И нет ему оправдания даже перед судом своей совести. Тщетно сопротивляется Айдар — он становится, наконец, мужем любой нелюбимой Халиды.

Такова фабула. До «грехопадения» Айдар ходит по страницам повести эдаким «подчищенным под образец» производственным героям. Мало того, вся борьба за подъем наработавшего колхоза облегчена и упрощена до полной потери правдоподобия. Непонятно, почему отстает колхоз. Лыди в Нараташе трудолюбивые, председатель хоть и стар, но честен и усерден.

Время действий в повести не определено, и лишь по юмористическим признакам (например, упоминается райсельхозтехник) становится ясно, что события происходят до решения пленумов ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Однако о самых острых вопросах колхозной жизни, о том, что тогда сковывало инициативу и мешало проявления творческих сил народа, сказано мимоходом, скороговоркой.

По всему видно, что Фатыха Хусни, как художника, не изволившие производственные дела колхозной деревни. Из-за авторского безразличия даже фигура заведующего сельхозделом борократы Янышева является такой глуповатой и неубедительной, что читатель испытывает сильное желание закрыть книгу.

— Не доросли, чтобы нас учить! — кричит Янышев на заседании совета МТС. — Не тот у вас опыт. И все директоры знают и заставляют вас слушаться, а не отсебятиной заниматься.

Автор не видел своего Янышева в жизни, ибо тогда Янышев был бы награжден множеством мелких призм, характерных черточек, был бы изображен во всей сложности характера, прикрытого защищенной окраской, самаокраинованного в самых важных своих свойствах. Теперь же он — одноклеточный организм, фигура из картона и явно воздвигнут умозрительно, по прочтении газетных статей и критических очерков.

Короче говоря, в повести Фатыха Хусни нет реального колхоза и реальной МТС, нет живой общественной и хозяйственной жизни деревни.

Но все мгновенно меняется и оживает, когда Фатыха Хусни начинает писать бытовые и любовные сцены: тут возникают и темперамент, и наблюдательность, и ласковый юмор, и яркий талант.

Трагетиной заботой и тревогой, вроде которой охватывает тебя, когда ты ощущаешь приближение далекой грозы, —

В. ЛУКАШЕВИЧ

Взволнованно и... бессстрастно

звучит разговор влюбленной Тэзкире с Айдаром:

«Чувство страстной любви прорывалось у Тэзкире внезапно иной раз в неподходящий момент. Однажды она забежала в бригаду и, отыскав Айдара среди машин, поставленных на профилактику, прижалась к нему прямо при Никифорове.

— Слушай, а что, если бы весной тебе послали в другой колхоз, а не в «Проекттор»? Ведь мы бы и не встретились!

— Что ты, чулачка! Это же судьба. Ну, было бы какой-нибудь другой случай нам встретиться!

— Нет, я боюсь этих случаев. Я дрожу, когда ты купаешься — в Зе с таким ветрячие омыты!

— Не бойся! — и он погладил ее по голове, как маленяку.

Никифоров вежливо склонился, чтобы не мешать этому объяснению, забавившему, как неожиданное облачко в летнюю жару.

— Ты за этим и пришла? Смешная!

— Нет, нет, мне что-то стало тревожное...»

Потому же писатель, талантливый на одних страницах, на соседних — выцветает?

Последнее время мы много говорим о знании жизни — и говорим иной раз так, будто сами не живем. Но вот случай — на одной странице автор знает жизнь, на другой не знает и рисует схемы! Этот случай показывает, насколько необходима горячая заинтересованность писателя тем, что он хочет поведать миру, внутренняя его взволнованность. Настоящее произведение реалистического искусства — это всегда взволнованное исследование жизни, это открытие нового, обогащение человеческого опыта и знания.

Между прочим, в рассуждениях о знании жизни мы иной разходим до курьезов. И Янышев на страницах «Дружбы народов» рассказывает об одном редакторе Гослитиздата, который, переиздавая «Золототычинника», самовольно исправил текст, отчего получилось, что колхозная коровка-реакторика погибла не при четвертых родах, как было у Рабокляча, а при первых! Так ростерком редакторского пера была создана неведомая биологическая телка. Однако беда здесь, конечно, не только в том, что редактор не знает колхозной жизни, не там, где ее увидел И. Рабокляч. Беда — редакторском произволе, в непростительном самоуправстве.

В случае с Фатыхом Хусни мы видим обратный пример — пример, когда редакция и переводчик И. Богданов помогли автору исправить и улучшить повесть, отчего и появилось в журнале примечание: «Публикуется в новой авторской редакции». Однако Фатых Хусни, видимо, был когда-то прежде «травмирован» плохими редакторами, издателями, критиками и сам себя обязал написать о том, что его не волнует и чего он поэтому не знает. И тем самым согрел перед искусством, читателем и самим собой. Поэтому органическая, неразрывная связь между любовью Айдара — Тэзкире — Халиды и разоблачением Ильинцева повести нет. Думается, что ряд белых «производственных» сцен, в том числе заседание совета МТС и приезд Ильинцева в тракторную бригаду, можно было бы с пользой для повести выкинуть.

Но вернемся к лучшей части повествования — бытовой и любовной. Здесь Фатых Хусни, действительно, помогает нам в чем понять его соотечественников и современников; в этом право на существование «Любви под звездами», хотя даже тут писатель кое-где не до конца проследил за естественным, логическим развитием образов.

Вспомним Халиду Зарипову. Она нарисована в общем удачно. Но, на мой взгляд, Фатых Хусни несколько упростила ее характер и, излишне ее осудил. Да, она «хочется» за Айдаром, отбывает у подруги, намеренно сблизяется с ним и пытается его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

Междудилические сцены кончаются повестью: «И вспоминается ей прошвая легенда. И должна и рыхлая дорога, и странный взгоряющийся лед, через который не отвертываются от Айдара, не только осуждают его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

Хорошими строками кончается повесть: «И вспоминается ей прошвая легенда. И должна и рыхлая дорога, и странный взгоряющийся лед, через который не отвертываются от Айдара, не только осуждают его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

С перелетными птицами с новой силой вернувшись к нему прежние чувства. И хочется ему заново пережить то, что было, не повторяя прежних ошибок».

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

Большие закономерности общественной жизни. Иногда у одного и того же писателя встречаются характеристики различной силы и яркости. Например, в «Районных буднях» В. Овечкина созданы превосходные образы Мартынова и Борзова, причем образ Борзова обладает настолько большой силой обобщения, что возникло даже особое понятие — «борзовизация». А в последнем произведении Овечкина «Трудная весна» таких значительных и смелых соображений характеров читатель уже не находит, хотя образное мышление присутствует и здесь.

О разнообразии стилей, жанров, форм в советской литературе много говорится в декларативных заявлениях, но очень мало сделано конкретного для точного определения, какие же именно стили, формы и жанры существуют у нас в практике различных писателей.

Самые представления о том, что такое стиль, жанр, форма, все еще довольно туманны и сбивчивы. Так, до сих пор можно встретить такие термины: «исторический жанр», «жанр сатиры» и тут же — «жанр лирики», «жанр романа», «жанр поэмы». Таким образом, жанр сатиры проявляется и может проявиться в жанре фельетона, романа, поэмы, басни и т. п. А жанр исторический может проявиться в жанре драмы, романа, повести, рассказа. Иными словами: жанр проявляется... в жанре.

Так же крайне произвольно употребляются и термин «стиль».

История литературы и история научной мысли свидетельствуют о том, что та или иная система эстетики основывалась на соответствующем состоянии литературной практики и имела в виду совершенствование конкретного, конкретный круг художественных произведений. Так, эстетика Аристотеля исходила из того круга произведений, современником которых были Аристотель. Эстетика Гегеля опиралась на достижения литературы конца XVIII и начала XIX века. Эстетика русских революционных демократов основывалась на опыте русской и мировой реалистической литературы первой половины XIX века.

От работ Чернышевского и Добролюбова мы отделяем сто лет. И в русской и мировой литературе произошли изменения,

хорошо показанное Сергеем Антоновым в рассказе «Лети Луша», — страшная тоска по семье, детям, своему дому. Стоило немного усилить эти черты в характере Халиды (она автором уже называется, но перешелько), как драматизм положения необычайно возрос бы и достоверность повествования усилилась бы. Сейчас Халида несколько оквартирирована, и настоящее проникновение в ее психологию есть, пожалуй, лишь в тридцать первую главу, где она говорит Айдару о том, что у них будет ребенок, и Айдар оскорбляет ее, сказав: «— Да и не я первый был...» Халида отшатнулась, как от пощечины. И вдруг повернувшись, побежала от него прочь. Она честно искала защиты у того, кого полюбила, кто стал ее близок. Теперь она бежала искать защиты у него у людей. Бросилась на грудь Гильменсы и выплыла ей все свое горе.

Айдар с момента своего «грехопадения» изображен хорошо: живым, растеряншимся, страдающим; он не хочет быть подлецом по отношению к ребенку и Халиде, ни, тем более, по отношению к любимой им Тэзкире. И вместе с тем понимает, что это —inevitable, что подость уж совершина. Это — самый запрятанный момент в повести. Ты за этим и пришла? Смешная!

— Нет, нет, мне что-то стало тревожное...»

Потому же писатель, талантливый на одних страницах, на соседних — выцветает?

Последнее время мы много говорим о знании жизни — и говорим иной раз так, будто сами не живем. Но вот случай — на одной странице автор знает жизнь, на другой не знает и рисует схемы! Этот случай показывает, насколько необходима горячая заинтересованность писателя тем, что он хочет поведать миру, внутреннюю его взволнованность. Настоящее произведение реалистического искусства — это всегда взволнованное исследование жизни, это открытие нового, обогащение человеческого опыта и знания.

Междудилические сцены кончаются повестью: «И вспоминается ей прошвая легенда. И должна и рыхлая дорога, и странный взгоряющийся лед, через который не отвертываются от Айдара, не только осуждают его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

Хорошими строками кончается повесть: «И вспоминается ей прошвая легенда. И должна и рыхлая дорога, и странный взгоряющийся лед, через который не отвертываются от Айдара, не только осуждают его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

С перелетными птицами с новой силой вернувшись к нему прежние чувства. И хочется ему заново пережить то, что было, не повторяя прежних ошибок».

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

Большие закономерности общественной жизни. Иногда у одного и того же писателя встречаются характеристики различной силы и яркости. Например, в «Районных буднях» В. Овечкина созданы превосходные образы Мартынова и Борзова, причем образ Борзова обладает настолько большой силой обобщения, что возникло даже особое понятие — «борзовизация». А в последнем произведении Овечкина «Трудная весна» таких значительных и смелых соображений характеров читатель уже не находит, хотя образное мышление присутствует и здесь.

О разнообразии стилей, жанров, форм в советской литературе много говорится в декларативных заявлениях, но очень мало сделано конкретного для точного определения, какие же именно стили, формы и жанры существуют у нас в практике различных писателей.

Самые представления о том, что такое стиль, жанр, форма, все еще довольно туманны и сбивчивы. Так, до сих пор можно встретить такие термины: «исторический жанр», «жанр сатиры» и тут же — «жанр лирики», «жанр романа», «жанр поэмы». Таким образом, жанр сатиры проявляется и может проявиться в жанре фельетона, романа, поэмы, басни и т. п. А жанр исторический может проявиться в жанре драмы, романа, повести, рассказа. Иными словами: жанр проявляется... в жанре.

Сейчас много пишут и говорят о проблемах индивидуализации и типизации. Ведется усиленная и законченная борьба против упрощенного понимания типического как проявления голой сущности. Сущность на самом деле проявляется в конкретном, индивидуальном. Хорошо, конечно, что эти общие положения сейчас внедряются в сознание писателей и читателей, потому что представление о типическом как проявления голой сущности способствовало процветанию произведений схематических, нивелировочных, безликих. Внимание к индивидуальному и конкретному, конечно, будет способствовать преодолению схематизма и безликоности.

Недавно были опровергнуты неправильные утверждения о якобы исчертанности и ограниченности художественных произведений, обнаруженные в творчестве Фатыха Хусни. Он нарисована в общем удачно. Но, на мой взгляд, Фатых Хусни несколько упростила ее характер и, излишне ее осудил. Да, она «хочется» за Айдаром, отбывает у подруги, намеренно сблизяется с ним и пытается его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

Хорошими строками кончается повесть: «И вспоминается ей прошвая легенда. И должна и рыхлая дорога, и странный взгоряющийся лед, через который не отвертываются от Айдара, не только осуждают его, но бракуют как своего вожака. И вовсе не осуждают Халиду. Этому трудно поверить.

С перелетными птицами с новой силой вернувшись к нему прежние чувства. И хочется ему заново пережить то, что было, не повторяя прежних ошибок».

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

Большие закономерности общественной жизни. Иногда у одного и того же писателя встречаются характеристики различной силы и яркости. Например, в «Районных буднях» В. Овечкина созданы превосходные образы Мартынова и Борзова, причем образ Борзова обладает настолько большой силой обобщения, что возникло даже особое понятие — «борзовизация». А в последнем произведении Овечкина «Трудная весна» таких значительных и смелых соображений характеров читатель уже не находит, хотя образное мышление присутствует и здесь.

О разнообразии стилей, жанров, форм в советской литературе много говорится в декларативных заявлениях, но очень мало сделано конкретного для точного определения, какие же именно стили, формы и жанры существуют у нас в практике различных писателей.

Самые представления о том, что такое стиль, жанр, форма, все еще довольно туманны и сбивчивы. Так, до сих пор можно встретить такие термины: «исторический жанр», «жанр сатиры» и тут же — «жанр лирики», «жанр романа», «жанр поэмы». Таким образом, жанр сатиры проявляется и может проявиться в жанре фельетона, романа, поэмы, басни и т. п. А жанр исторический может проявиться в жанре драмы, романа, повести, рассказа. Иными словами: жанр проявляется... в жанре.

Сейчас много пишут и говорят о проблемах индивидуализации и типизации. Ведется усиленная и законченная борьба против упрощенного понимания типического как проявления голой сущности. Сущность на самом деле проявляется в конкретном, индивидуальном. Хорошо, конечно, что эти общие положения сейчас внедряются в сознание писателей и читателей, потому что представление о типическом как проявления голой сущности способствовало процветанию произведений схематических, нивелировочных, безликих. Внимание к индивидуальному и конкретному, конечно, будет способствовать преодолению схематизма и безликоности.

ПОМОЩЬ ИЛИ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ?

— Пожалуй, этому телохранителю стоило бы отойти на задний план?

Карикатура художника Герблона из газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд»

...Перед кинокамерой с надписью «Азия» стоит распавшийся в улье верзила с револьвером за пазухой. На жилете верзили надпись: «Военные программы США». Сзади него видна фигура застенчивой девицы. Это — «мирные цели США». Она держит в руке листок с надписью: «Программы технической помощи». Вдали средний американец говорит дяде Саму: «Пожалуй, этому телохранителю стоило бы отойти на задний план?»

Эта карикатура художника Герблона из газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд» — отражение того недовольства, которое все шире распространяется в политических кругах США в связи с явным провалом так называемой программы «помощи иностранным государствам». Уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что эта программа потерпела поражение. Почему? В этом нетрудно разобраться.

С самого первого дня своего существования «помощь иностранным государствам» была одета в военные доспехи. За послевоенное десятилетие Соединенные Штаты направили различным странам, по свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», только военного снаряжения на колоссальную сумму в 14,6 миллиарда долларов. В это «снаряжение» вошли 7 575 самолетов, 38 400 танков и других боевых машин, 1 079 военно-морских судов, а также артиллерийские орудия, стрелковое оружие и т. д. В настоящее время Соединенные Штаты помогают содержать около 200 дивизий в нескольких десятках стран.

Те же небольшие средства, которые ассигнуются на экономическую «помощь» и «техническое сотрудничество», ибо идут на развитие производства стратегических материалов. Бросается в глаза и другой факт: доля военной «помощи» растет, а экономической — сокращается. В настоящее время военные ассигнования составляют уже 80—85 проц. всей суммы «помощи». Естественно, что физовый листок «технической помощи» не может скрыть от внимания народов не только Азии, но и всего мира все расширяющиеся ассигнования Соединенных Штатов на вооружение и милитаризацию своих союзников.

Соединенные Штаты делают ставку на военную «помощь» не случайно. По довольно циничному, но точному выражению чиновника государственного департамента Энри, американская «помощь» служит «боепитанием в холодной войне». Милитаризация стран, принимающих помощь, вовлечение их в различные военные блоки, поддержание огнях холодной войны — вот цели американской политики «помощи». К этому нужно еще добавить, что американская «помощь» зачастую выполняла роль троцкого канала, давая возможность вмешиваться во внутренние дела других стран.

Сейчас, однако, осуществлять свои планы Соединенные Штаты стало сложнее, чем прежде. Многие страны Азии вступили на путь независимого развития и не желают больше быть пешками в игре вавингоутских стратегов. Американский внешнеполитический курс явно вышел из моды. Известная английская журналистка Барбара Уорд писала недавно в журнале «Нью-Йорк таймс мэгзион»: «Если иностранная помощь предназначена для того, чтобы завоевывать друзей и оказывать влияние на народы, то в Индии она потерпела поражение. Результаты оказались еще менее удовлетворительными в Бирме и Индонезии. Обе эти страны отказались от американской помощи на том основании, что она ослабляет их нейтральность».

Но отрезвило ли это правящие круги США? Заставило ли пересмотреть свое отношение к другим странам? Отнюдь нет. Программа «помощи» иностранным государствам на новый 1956/57 финансовый год, изложенная президентом Эйзенхаузером в его послании конгрессу,носит еще более ярко выраженную военную окраску. Из 4,9 миллиарда долларов, испрашиваемых у конгресса, 3 миллиарда приходится на прямую военную помощь, то есть на поставки оружия. На так называемую восстановительную военную помощь — строительство аэропортов, стратегических дорог, обмунирование армий и т. п. — предлагается выделить еще 1 130 700 тысяч долларов. Это значит, что общие ассигнования на военную «помощь» составляют 83 проц. испрашиваемой суммы.

С опубликованием послания президента в конгрессе и в печати разгорелись жаркие споры. Представители наиболее воинственных кругов по-прежнему пугают несуществующей «советской угрозой», требуя одобрения конгрессом предложения президента. С таким заявлением недавно выступил постоянно бранящий оружием бывший верховный командующий войсками НАТО генерал Грюнберг. Вместе с тем разделились и довольно внушительные голоса в пользу пересмотра всей системы американской «помощи» с тем, чтобы придать ей более «мирное направление». Лидер демократической партии Эдвард Стивенсон призвал, например, к «новому подходу» в этом вопросе, предлагая «делать меньший упор на военные пакты. Именно эти новые веяния и нашли отражение в карикатуре художника Герблона.

Подобные настроения не могли остаться незамеченными. Комиссия по иностранным делам палаты представителей, а затем и сама палата представителей предложили сократить на 1 миллиард долларов за прошлые правительство ассигнования — решение довольно необычное для американских конгрессменов, всегда охотно штемпелевавших любые законопроекты, направленные на милитаризацию и гонку вооружений. Несмотря на это, правительство США стремится все же спасти и протащить через конгресс предложение о предоставлении «помощи» в размере 4,9 миллиарда долларов.

Все это происходит в то время, когда Советский Союз объявляет о значительном сокращении своих вооруженных сил, когда во всех странах, в том числе и в самих Соединенных Штатах, простые люди одобряют и приветствуют этот шаг Советского правительства.

Чем бы ни кончились нынешние дебаты в конгрессе, ясно одно: предложение сократить ассигнования — дань общественному мнению. Но даже при сокращении на 1 миллиард долларов прямые военные расходы на «помощь» иностранным государствам вырастут в два раза по сравнению с текущим финансовым годом. В результате и конгрессмены будут довольны (они выступали в роли защищиков интересов налогоплательщика) фабриканты оружия сыты (они смогут погрязнуть получать прибыли).

Пока дела обстоят таким образом, художник девиза «Мирные цели США», не скроудастся оттеснить назад дюжего «телохранителя».

О. ВАСИЛЬЕВ

Каков же приход? В итоге десятилетних усилий по превращению Греции в «одного из сильнейших союзников» США эта страна, по мнению журнала, стала «одним из самых немедленных союзников». Бухгалтеры из «Онейтед Стейтс ньюс энд Уорлд репортер» Стейтс ньюс пришли к этому выводу, в частности, на основе анализа результатов последних греческих парламентских выборов. Во время выборов, с нескрываемым недовольством констатирует журнал, «корпоративные проценты голосов получили партии, требующие «правной Аргути» со всеми странами, кнезависимой внешней политикой».

Может быть, столица неустрашимые итоги объясняются недостаточными капиталовложениями?

Нет. Жизнь показывает, что доллары далеко не всецели в качестве орудия внешней политики. В разделе статей, озаглавленном «Мало долларов?», приводится горестный вывод: «Доллары сами по себе не могут создать постоянных друзей США, несгибаемых союзников или прочный щит против коммунизма».

Вот статья расходов: «В течение десяти лет Соединенные Штаты вкладывали в Грецию на каждую душу населения гораздо больше денег, чем любой другой стране мира. Военная и экономическая помощь составляет в среднем более 340 долларов на человека».

А как же американская «помощь»?

Она-то и является одной из причин такого катастрофического положения страны. Львиная доля этой «помощи»

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

НА ДОРОГАХ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Италия принимает в своих отелях ежегодно более десяти миллионов иностранных туристов. Побережье Апеннинского полуострова, руины, чудо-уединевые сооружения древнего Рима, культура и живопись гениев эпохи Возрождения — все это издавна привлекает сюда туристов всех стран мира.

В дневнике июня на пристань Неаполя сошла с палубы «Победы» первая большая группа советских туристов. Все газеты Рима и Неаполя отметили это событие.

— Вы привезли с собой русскую погоду, — пошутил представитель туристской фирмы «Чит», встретив нас у трапа. В это утро аулавая вспышка Беузии была плотно затянута облаками, и казалось, вот-вот хлынет дождь. Вероятно, такая погода бывает здесь очень редко, и неаполитанцы с огорчением говорили нам:

— Ах, синьоры, как жаль, что вы не увидели утреннюю зарю над Неаполитанским заливом.

Но вскоре из-за облаков выглянуло жгучее солнце, и в полном соответствии с красочными описаниями путеводителей перед нами открылся во всем своем истинном великолепии один из красивейших городов Италии.

— Неужели вам известен этот фильм? Разве вы знаете эту песню?

Не трудно было догадаться, что в Италии многие, к сожалению, не имеют достоверного представления о нашей стране.

Все четыреста с лишним туристов «Победы» вступили в общение с римлянами, неаполитанцами, рыбаками Капри и Сорренто. Это произошло с такой чисто русской и итальянской неподсознательностью и радушием, что даже ко всему приготовившиеся полицейские, а их было немало — в самом нашем пути, на всех его этапах, и те растерялись. Вечерние газеты вынуждены были отметить, что «благожелательность и живость характера русских открыли перед ними сердца неаполитанцев».

В узких переулочках Помпей возле мраморных колодцев звучала вперемежку английская, шведская, немецкая речь. Гиды повели нас мимо нарядных папских гвардейцев в галереи Ватикана — этого хранителя чистоты и беспорядка искусства. Здесь, под сводами Сикстинской капеллы, расписанной кистью Микеланджело, мы разделили свой восторг с уже знакомыми нам иностранными туристами, с которыми мы повстречались еще раньше — и в прохладной торжественной тишине сопора Петра и на каменных скамьях Колизея. Мы встречали кое-кого из этих туристов на юркях барах у берегов Капри, где прозрачная волна пылает фантастическим светлом пламенем. Наши пути скрещивались в Сорренто, возле увитой плющом виллы, где жил работал Максим Горький. Студенты из Стокгольма вместе с нами запечатали на фотографии невероятный вид дома на римской улице Систина, где Гоголь жил.

В Риме мы видели новые здания, построенные с большим вкусом для международных выставок. Они стоят на окраине города. Здесь совсем неподалеку находятся братская могила партизан, расстрелянных на приказ гитлеровского генерала Кесслеринга. На массивной плите из лавы Беузии высечены имена героев, павших за свободу и независимость Италии. Латинским шрифтом врезано в надгробную плиту имя воина Советской Армии Алексея Кузинкина, который бежал из фашистского лагеря и боролся плечом к плечу с итальянскими партизанами. У этого памятника всегда лежат свечи...

Поднимаясь на Капри по узкой уличке вилле «Эркодано», где жил Горький, — там сохранились еще некоторые вещи, которыми он пользовался: буфет, резной деревянный стол, кровать, — я стояла на склонистых склонах. Здесь нет рекламных щитов, «же» мелькают перед глазами невыносимые яркие названия фирм, изображающие лихтеры, коньки, зонтики, складные кресла и скамьи. Здесь нет гравированных ящиков, «же» мелькают перед глазами невыносимые яркие названия фирм, изображающие лихтеры, коньки, зонтики, складные кресла и скамьи. Здесь нет гравированных ящиков, «же» мелькают перед глазами невыносимые яркие названия фирм, изображающие лихтеры, коньки, зонтики, складные кресла и скамьи.

Поднимаясь на Капри по узкой уличке вилле «Эркодано», где жил Горький, — там сохранились еще некоторые вещи, которыми он пользовался: буфет, резной деревянный стол, кровать, — я стояла на склонистых склонах. Здесь нет рекламных щитов, «же» мелькают перед глазами невыносимые яркие названия фирм, изображающие лихтеры, коньки, зонтики, складные кресла и скамьи. Здесь нет гравированных ящиков, «же» мелькают перед глазами невыносимые яркие названия фирм, изображающие лихтеры, коньки, зонтики, складные кресла и скамьи.

— Не желает ли синьор узнать, что ждет его впереди?

Попутай с синим хохолком и ярко-зеленым хвостом выжидательно поглядывал на меня. Подошел переводчик, и старик поведал мне, что две семьи безработных, его соседи, сложились и на последние ляры купили этого «сердитого попугая, и вот он на нем корчится».

Старик спрятал в карман желтую кредитку, полученную в обмен на билетик, показавший национальные обещания беззабочного счастья, и прошагал с нами, сказав:

— По правде говоря, счастье так же просто, как и деньги...

— Наверное, есть какие-то дороги к счастью, которые не продаются на ляры...

Газета «Уитита» напечатала большой отрывок из пребывания советских туристов в Италии под заголовком: «До свидания в Москве!». Многие неаполитанцы, проводившие нас, показывали этот заголовок, повторяя: «А ривьера — это вилла в Риме». Следует признать, что это чистая ложь. На массивной плите из лавы Беузии высечены имена героев, павших за свободу и независимость Италии. Латинским шрифтом врезано в надгробную плиту имя воина Советской Армии Алексея Кузинкина, который бежал из фашистского лагеря и боролся плечом к плечу с итальянскими партизанами.

— И. ОСИПОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Борт теплохода «Победа», 18 июня. (По радиотелеграфу).

Правление Союза писателей СССР и Правление Московской организации писателей с глубоким прискорбием известили о смерти писателя

Марка Моисеевича Эгарта, выразившие сожаление о смерти писателя

Писатель «Уитита» напечатала большой отрывок из пребывания советских туристов в Италии под заголовком: «До свидания в Москве!». Многие неаполитанцы, проводившие нас, показывали этот заголовок, повторяя: «А ривьера — это вилла в Риме». Следует признать, что это чистая ложь. На массивной плите из лавы Беузии высечены имена героев, павших за свободу и независимость Италии. Латинским шрифтом врезано в надгробную плиту имя воина Советской Армии Алексея Кузинкина, который бежал из фашистского лагеря и боролся плечом к плечу с итальянскими партизанами.

— Правление Союза писателей СССР и Правление Московской организации писателей с глубоким прискорбием известили о смерти писателя

Марка Моисеевича Эгарта, выразившие сожаление о смерти писателя

Писатель «Уитита» напечатала большой отрывок из пребывания советских туристов в Италии под заголовком: «До свидания в Москве!». Многие неаполитанцы, проводившие нас, показывали этот заголовок, повторяя: «А ривьера — это вилла в Риме». Следует признать, что это чистая ложь. На массивной плите из лавы Беузии высечены имена героев, павших за свободу и независимость Италии. Латинским шрифтом врезано в надгробную плиту имя воина Советской Армии Алексея Кузинкина, который бежал из фашистского лагеря и боролся плечом к плечу с итальянскими партизанами.

— Правление Союза писателей СССР и Правление Московской организации писателей с глубоким прискорбием известили о смерти писателя

Марка Моисеевича Эгарта, выразившие сожаление о смерти писателя

Писатель «Уитита» напечатала большой отрывок из пребывания советских туристов в Италии под заголовком: «До свидания в Москве!». Многие неаполитанцы, проводившие нас, показывали этот заголовок, повторяя: «А ривьера — это вилла в Риме». Следует признать, что это чистая ложь. На массивной плите из лавы Беузии высечены имена героев, павших за свободу и независимость Италии. Латинским шрифтом врезано в надгробную плиту имя воина Советской Армии Алексея Кузинкина, который бежал из фашистского лагеря и боролся плечом к плечу с итальянскими партизанами.

— Правление Союза писателей СССР и Правление Московской организации писателей с глубоким прискорбием известили о смерти писателя

Марка Моисеевича Эгарта, выразившие сожаление о смерти писателя

Писатель «Уитита» напечатала большой отрывок из пребывания советских туристов в Италии под заголовком: «До свидания в Москве!». Многие неаполитанцы, проводившие нас, показывали этот заголовок, повторяя: «А ривьера — это вилла в Риме». Следует признать, что это чистая ложь. На массивной плите из лавы Беузии высечены имена героев, павших за свободу и независимость Италии. Латинским